

Маракулин, В. Оглянись, человек! : [о новой книге Михаила Анохина «Пережитое»] //Вита Плюс. -2010. -15 апреля (№14). –С. 5, 6.

Задел отзыв одного чиновника о новой книге Михаила Анохина «Пережитое», небрежно бросившего слова: «Там нечего читать». Можно бы и не придать значения его фразе: книга не рассчитана на массовое чтение, это не модный сегодня жанр детектива, не дамский роман. Но задело - потому что говоривший связан с отношениями людей в обществе и, по моему разумению, должен был отметить в книге полезные для себя, для своей деятельности размышления автора, суждения классиков философии, истории, литературы, науки. Потому к месту вспомнить «формулу» французского драматурга Жана Кокто: «Во фразе «Картины Пикассо – мазня» о Пикассо не сказано ничего, а о говорящем – все!»

Отрывки из «Записок забастовщика», которыми открывается весьма объемный том Анохина, довелось читать еще в самом начале 90-х годов, почти «по горячим следам» жарких июльских 1989 года и последовавших за ними иных событий. Книга тогда, к сожалению, не увидела свет. Меценатов не нашлось даже среди тех, кого волна реформ возносила к «золотому тельцу». Нашелся сейчас – Иван Николаевич Заречнев («Вита плюс»), ему благодарны все, кто сумел познакомиться с произведениями М. П. Анохина.

Конечно, через двадцать лет та пора потускнела в нашей памяти, потеряла тогдашний ореол, близкий к героическому. Даже оценки, которые сегодня кое-кто раздает тем шахтерам, сменились на противоположные. Шахтеров стали обвинять: мол, это они привели к власти новых хозяев жизни и Ельцина. Гадко, когда так говорят люди, лучше других воспользовавшиеся плодами либерального реформаторства, толчок к которому тоже можно отнести к 1989-му. И Анохин отвечает нынешним искателям «козлов отпущения».

«Записки» рассказывают о том, что видели и слышали лишь несколько людей, облеченных статусом членов рабочих комитетов. С помощью автора мы входим в московские кабинеты очень высоких партийных, профсоюзных и хозяйственных чинов. Глубже познаем суть того сложного времени, его двигательные силы, механизмы принятия решений. Видим нравственное «лицо» участников процесса, порой далекое от истинной нравственности. События поданы не просто как факты, они окрашены оценками автора – и непосредственными, и осмысленными за прошедшие годы.

Панорама времени, отраженного в книге, насыщена персонажами разного политического «веса». Глазами Анохина даны Андрей Сахаров, Галина Старовойтова, Павел Бунин, Михаил Найдов, Теймураз Авалиани и многие другие известные люди. Их взгляды и убеждения делают эту панораму очень выразительной, а вкуче с размышлениями самого автора привносят тревожное, драматическое содержание.

Кто-то, может быть, спросит вместе с персонажем «Мастера и Маргариты»: «Зачем гнаться по следам того, что уже окончено?» Но, по моему убеждению, «Записки» не потеряли своей ценности и сегодня, хотя бы

потому, что в них улавливаешь и переключку с настоящим временем. А для вузовских кафедр политологии, новейшей истории работа Анохина может стать ценным учебным пособием. Поскольку факты, философские воззрения, оценки переплетены, сгущены и одновременно раздвинуты во времени и пространстве так, что представляются существенной частичкой единого исторического процесса.

Короток временной промежуток, отраженный в «Записках», однако автор успел и дважды войти в одну реку – рабочий комитет, и сходить во власть, и оказаться не ко двору – ни «правым», ни «левым». Успел увидеть, как на глазах раскрываются и перерождаются люди от «запаха власти». Понять с горечью, что «пахали на местную номенклатуру, а она похотывала», что «с пустыми руками остались только рабочие». Услышать от Авалиани: «Ты, Михаил, наивный человек. Опомнись не успеешь, как к власти придут люди куда более хищные и бессовестные, чем нынешняя партноменклатура, и весь твой романтический пыл обернется разочарованием. Тебя и близко, на пушечный выстрел не подпустят к власти. Такие, как ты, ей не нужны».

Анохин не скрывает своих заблуждений, ошибок, недостатков; он словно выворачивает себя наизнанку. Он признается: «Ох, как я себя ненавижу за свою рабскую кровь!» Зачем это? Затем, что по-иному не может – без «откровений мыслящего тростника», которые отдельной главкой вошли в «Пережитое».

И все же, как мне видится, есть местами перенасыщенность лирическими и социологическими отступлениями, философскими раздумьями, когда одна мысль цепляет другую. Знаю, что автор обладает изумительной (если не феноменальной) памятью, однако смущает, когда, например, сидит он в столице, в коридоре союзного министерства или в гостинице, а в голове «молоточком постукивает» вычитанная когда-то фраза из Норбера Винера или другого мыслителя, дословно процитированная в книге и поэтому заключенная в кавычки. Не верится в настолько «компьютеризованную» память. Достоверней без кавычек.

Сложно оценить ту часть книги, где собраны выписки из прочитанного – естественно, выписки, которые важны для самого автора. Они открывают мир его интересов – громадный мир, едва ли не всеохватный, способный поразить воображение читателя. Это свидетельство перечитанного с карандашом в руках бесчисленного собрания томов необъятной мировой литературы. Короткие, афористического качества, и пространные, взятые из трудов почти трех сотен авторов разных эпох, они представляют собой редкий по содержанию сборник. Думаю, что каждый, кто прочтет их от начала до конца, на чем-то остановит внимание, задумается, примерит на себя.

Из всего опубликованного богатства отобрал несколько коротких мыслей, которые, по-моему, не могли ускользнуть от внимания упомянутого чиновника, нашедшего лишь пренебрежительные слова для книги.

«Служа государям, мало быть скрытным, нужно быть, ко всему, еще и лжецом» (М. Монтень).

«До тех пор не будет конца бедствиям рода человеческого, пока власть и философия не сольются в одном лице». (Платон Аристокл, философ).

«Как действует тоталитарное общество с точки зрения кибернетики? В ответ на сигналы обратной связи оно реагирует уничтожением их носителей». (Норберт Винер, математик).

«Когда глупец занимает должность, с ним обращаются, как с гением». (Клод Адриан Гальвенций, философ).

В главу «Откровения тростника» Анохин включил и собственные сентенции, некоторые из них можно отнести к разряду афоризмов. Например: «Тот, кто еще не разорван между доводами разума и инстинктом веры, тот еще не готов ни для чего». Или: «Психически здоровый человек потому и здоровый, что болен всеми психическими болезнями сразу, а больной – болен только одной болезнью». Там, в «Откровениях», желательно «покопаться» и власть имущим, и журналистам, которые сегодня в большинстве своем далеки от призвания быть «сторожевыми псами демократии». Отдельные откровения Анохина – это же глубокие темы для журналистского исследования.

Одна из таковых - «Беспризорность и лицемерие власти. Когда разница на содержание ребенка в семье и вне семьи в институтах опеки и т. д. достигает величин в десять и более раз, говорить о беспризорности – похабство неслыханное! Нужно дать работу родителям. Заработок, способный обеспечить достойное (среднее статистическое) содержание и себя, и ребенка. Принудить к работе тех, кто от природы ленив...»

Михаил Петрович смотрит в корень громадной российской проблемы. Ведь власти (все – от Москвы до самых до окраин) вместо того, чтобы стараться поддерживать шатающиеся семьи, «откупаются» материальной помощью детям, ставшим сиротами при живых родителях. А кто их сиротами делает? Не власть ли, отнимая у тех самых шатавшихся, а потом рухнувших семей? С «чертями» бороться легче, чем с «болотом», этих чертей рождающим. Вот и не решается проблема.

Прочтите вот это: «Учреждения культуры и культура. Первых у нас всегда хватало, с культурой же дела обстоят хуже. И вот что интересно. Никто никогда не проводил исследований, что стало с детьми, с теми самыми детьми, кто занимался в музыкальных, рисовальных, танцевальных и прочих заведениях культуры, когда они стали взрослыми и обзавелись семьей. Априори считается, что они и их семьи культурнее тех, кто не вкусил учреждений культуры. Даже сомневаться в этом неприлично, как в известной формуле: «В здоровом теле – здоровый дух». А все-таки?» Один абзац, но какая загадка и задачка для социологов, журналистов! Для власти.

Сегодня власть, похоже, поставила цель «приобщить» граждан к религии, чтобы «поднять нравственность». Вероятно, еще и потому, что государство не имеет идеологии, способной объединить народ. Об этом можно судить и по введению в школьную программу нового –

«религиозного» - предмета, против чего выступила с открытым письмом группа ученых. Интересен в этом смысле взгляд автора «Пережитого»:

«Существует расхожее представление о том, что церковь и вообще любая положительная религия нужны для смягчения нравов. Для насаждения в народе нравственной «рассады». Очевидна попытка власти превратить церковь в один из институтов социально-нравственного научения. .. На самом деле такое утилитарное понимание религии, а православия в особенности, есть не что иное, как насмешка над Богом. Получается так: верую не потому, что Бог есть, а потому, что вера мне полезна, да и полезна-то в чисто утилитарном смысле – здесь и сейчас. На самом деле мораль и нравственность имеют еще меньшее отношение к православию, чем березовое полено к березняку... Если глубоко вдуматься, то мораль и нравственность меньше всего занимают православное сознание: его больше всего волнует спасение души... Не менее жестоким был и Иван Грозный, сочинявший удивительную духовную музыку, истово справлявший все каноны церковного устава и вместе с тем...»

Коллеги журналисты, и нам Анохин дает повод устыдиться – устыдиться трудов наших, в которых даем «единственно верную правду», и чаще даже не свою, а хозяина. Вспомним свои публикации: не сотканы ли они из одних только фактов? А по Анохину, «настоящая публицистика – это прорыв сквозь пену фактов к живому источнику, непрерывно рождающему факты, и исследования их... Факты сами по себе – ничто; объяснение фактов – все!.. Нынешнее сосредоточение СМИ на фактах – признак деградации общественного сознания».

А меткое замечание о том, что до сего дня, как в пору «развитого социализма», предприятия и СМИ рапортуют о перевыполнении планов добычи угля! Не планов продажи угля, что можно бы приветствовать. А вот о том, что на складах скапливаются сверхнормативные миллионы тонн угля, услышишь редко. Добыли, чтобы частью похоронить? Значит, этот товар ничего не стоит? Его не жалко? И это делают эффективные собственники?

А такое наблюдение: если в стране становится больше защитников людей (а в России это так: посмотрите, как «разбухли» кадрами суды, прокуратуры, как на сто граждан страны – один милиционер!), значит, стало больше несправедливости и беззакония.

Можно еще многое сказать о содержании книги М. Анохина, потому что она задевает сознание. Взять ли рассуждения о различии русского и западного человека, о патриотизме или о метафорах бытия, пронизывающих творчество Николая Гоголя. Кто читал, а не листал «Пережитое», тот оценит сочинения по достоинству. Вот только беда автора в том, что ему, дабы его труды не остались «вещью в себе», требуется более широкая читательская аудитория, причем аудитория мыслящая. И не только мыслящая, но и влияющая на принятие важных решений.